

УДК 351.746.1(571.54)

Органы государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР. Первые годы советской власти (1923–1928 гг.). Часть 2*

Л. В. Курас, В. К. Тушемилов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В статье рассмотрены основные направления деятельности регионального ОГПУ в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, ОГПУ, эмиграция, буддийские священнослужители, бандитизм.

К середине 1924 г. в республике была создана центральная пятерка по борьбе с бандитизмом. 1 сентября 1924 г. на основе агентурных данных войсковой разведки, ЧОН, ГПУ и милиции был составлен «Обзор бандитизма на территории БМР», из которого следует, что появились банды в Верхнеудинском и Троицкосавском аймаках. По докладу начальника областного отдела ОГПУ БМАССР В. А. Абрамова 19 сентября 1924 г. на территории республики насчитывалось 12 бандотрядов с общей численностью от 114 до 153 человек. Банды состоят в основном из местного крестьянства, хотя в них имелись и офицеры. Вооружены бандиты были преимущественно трехлинейными винтовками. Исходя из сложившейся обстановки, западные аймаки были объявлены на особом положении. Центральная пятерка была вынуждена констатировать, что борьба с бандитизмом велась нерегулярно и положительных результатов пока не дала. В этой связи было принято решение о создании единого оперативного штаба на все западные аймаки и необходимости использовать регулярные воинские части [11, ф. 1, оп. 1, д. 408]. В результате активных действий спецслужб к середине мая 1925 г. число банд уменьшилось до 5, а численность бандитов – до 50 человек. Однако центр бандитизма с западных аймаков сместился в восточные аймаки, что обуславливалось близостью границы. На заседании комиссии по борьбе с бандитизмом на территории Буреспублики 15 мая 1925 г. указывалось, что банды состоят из русских и бурят, частью прибывших из-за границы. К 1 января 1926 г., исходя из оперативной разведывательной сводки КРО Областного отдела ОГПУ БМР, ряд банд был ликвидирован полностью и снят с учета [8, с. 33–34].

* Продолжение. см.: Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1.

Значительные усилия приложили чекисты Бурятии при разработке дела «Тапхаевцы», которое было заведено в августе 1928 г. Задачей этой разработки было выявление на территории БМАССР и Читинской области бывших участников национального бурятского кавалерийского отряда «Для защиты Родины и борьбы с красными» под руководством Дугара Тапхаева. В 1918 г. Д. Тапхаев примкнул к атаману Г. М. Семенову, а в 1919 г. с благословения барона Р. Ф. Унгерна он создает на территории Агинского аймака национальный бурятский кавалерийский отряд. Первое время отряд состоял из добровольцев. Получив право на проведение мобилизации, он довел численность своего отряда до 800 сабель. В период 1919–1920 гг. отряд действовал в пределах Агинского аймака, а также Акшинском и Борзинском районах Читинского округа, где осуществлял карательные акции. За проявленное усердие Д. Тапхаев был произведен атаманом Г. М. Семеновым в полковники.

С ликвидацией боевых формирований атамана Г. М. Семенова Д. Тапхаев с остатками своего отряда бежал в Китай. Первоначально он примкнул к белогвардейской организации генерала Шильникова. В 1922 г. отошел от него и стал сотрудничать с атаманом Г. М. Семеновым и японской разведкой, проводя разведывательную работу на территории БМАССР и Читинского округа. При этом он использовал зажиточную часть бурятского населения, среди которого пользовался авторитетом. Кроме разведывательной работы Д. Тапхаев организовывал бандитские налеты на приграничные районы СССР с целью грабежа местного населения. Награбленное добро и скот он продавал китайцам. Значение оперативной разработки Д. Тапхаева и его сподвижников определялось, прежде всего, тем, что он находился в непосредственной связи с атаманом Г. М. Семеновым и мог быть последним использован в военных акциях против Советского государства. Кроме того, его могли активно использовать и японцы в своих агрессивных планах против СССР и Монголии. В этой связи по оперативным оценкам роль Д. Тапхаева и его влияние на бурятскую эмиграцию сильно возрастали, и он из обычного бандитского главаря превращался в фигуру политического значения [1, ф. 5, оп. 1, д. 13]. Поэтому разработка самого Д. Тапхаева и его как зарубежных, так и внутренних связей приняла самый серьезный оборот.

Основной упор Бурят-Монгольский областной отдел ОГПУ сделал на выход своей агентуры к резидентурам японской разведки. Тем самым дело «Тапхаевцы» квалифицировалось не как бандитизм, а как национальная контрреволюционная организация, имевшая обширные связи с белой эмиграцией и японской разведкой. В ходе оперативных мероприятий через резидентуру ОГПУ в Хайларе были получены исчерпывающие данные о связях Д. Тапхаева с резидентом японской военной разведки в Китае полковником Генерального штаба Терадо, со служащим Японской военной миссии в Маньчжурии Анаки-сан. Через агентуру, внедренную в ближайшее окружение Тапхаева, облотделу ОГПУ БМАССР удалось получить сведения о характере его отношений с японцами и о тех задачах, которые ставились перед ним. В последующем деятельность Д. Тапхаева, направленная на добывание разведывательной информации об СССР в пользу Японии, полностью кон-

тролировалась и направлялась органами ОГПУ. Поставив первоочередной задачей выявление сослуживцев, родственников и друзей Д. Тапхаева как на территории СССР, так и за рубежом, оперативные сотрудники облотдела ОГПУ БМАССР совместно с читинскими оперативниками установили около 500 человек. Поэтому не случайно в декабре 1927 г. в десятую годовщину органов ВЧК – ОГПУ Президиум ЦИК БМАССР наградил областной отдел ОГПУ Красным Знаменем.

Перед чекистами республики стояла еще одна важная проблема, связанная с эмиграцией бурят на территорию соседней Монголии. Процесс этот начался еще в 1916 г. в связи с изданием 25 июня царского указа «О реквизиции инородцев», согласно которому коренное население окраин Российской империи мобилизовалось на тыловые работы в районы действующей армии. Спасаясь от «реквизиции», бурятское население, главным образом приграничных аймаков, уходило за кордон. По неполным данным число эмигрировавших бурят в 1916–1917 гг. составило свыше 10 тыс. человек.

Следующая волна эмиграции пришлась на период революции и гражданской войны, включая и период существования ДВР, причины которой выражались в наличии не успевшего выветриться партизанского духа русского крестьянства. Под флагом революционного насилия они осуществляли открытые грабежи, захват земель у бурятского населения как у «контрреволюционного элемента». Эмиграция была также обусловлена неразрешенностью земельного вопроса и постоянными трениями бурят с местным «семейским» и старожильческим населением, а также с населением, появившимся в Забайкалье в результате столыпинской реформы. Так, в ориентировке Восточного отдела ОГПУ СССР от 24 июня 1927 г. подчеркивалось, что «...основной причиной, вызывающей постоянное стремление бурят восточных аймаков к эмиграции в пределы Внешней Монголии и Барги (главным образом, за последние 8 лет) является неразрешенность земельного вопроса, постоянные трения и земельные раздоры с местным “семейским” крестьянством и отсюда кровная заинтересованность бурхозяйств в нахождении новых земельных просторов для пастбищ и эксплуатации». Кроме того, эмиграция обуславливалась также недовольством бывшей бурятской знати и ламства социальными процессами, происходившими в республике. Вместе с войсками атамана Г. М. Семенова и белогвардейскими частями тогда отступало и пограничное казачество Селенгинского и Троицкосавского аймаков, которое расселилось в северной части монгольских аймаков, прилегавших к границам СССР и Танну-Тувы. С началом социалистического строительства эмиграция бурятского населения пошла на убыль. Однако к концу 1923 г., по материалам Особой комиссии по эмигрантским вопросам, число эмигрантов-бурят в Монголии достигло 16 093 человека.

О серьезности проблемы говорит тот факт, что 5 апреля 1925 г. секретарь Бурятского обкома партии М. М. Сахьянова направила письмо председателю ЦК МНП Дамбадоржу, в котором указывала на необходимость регулирования эмигрантского вопроса, согласования его с правительством Бурят-Монголии. Необходимость этого шага диктовалась не только политическими

мотивами, ибо эмиграция подрывала дело сближения монгольского и бурятского народов, но и экономическими причинами. По справедливому мнению Б. Б. Батуева, «массовая эмиграция бурятского населения, особенно в осенний и зимний период, срывала хозяйственную, бюджетную и налоговую работу в Бурятской республике, что мешало ее развитию и укреплению» [2, с. 37].

Международное положение в 20-е гг., наличие белоэмигрантских центров за рубежом способствовали формированию из бурятской эмиграции социальной базы для поддержания белоэмигрантского движения и возможных вооруженных провокаций. В этой связи чекисты БМАССР занимались сбором разведывательных данных о тенденциях, состоянии и планах антисоветской деятельности бурятской эмиграции, выявлением связей зарубежья с внутренними районами республики, усилением охраны маньчжуро-монгольской границы и активизацией работы среди ламства. Вместе с тем первые мероприятия советской власти в области национально-государственного строительства и аграрной политики привели к тому, что в 1924–1925 гг. эмиграция бурят пошла на убыль, и одновременно с этим начался процесс возвращения эмигрантов на Родину. На это позитивное явление чутко отреагировала спецслужба республики, которая в мае 1928 г. составила докладную записку в адрес Бур. ЦИКа и ОК ВКП(б). В записке были поставлены вопросы о расселении реэмигрантов и предоставлении им земельных наделов, получения ими советского гражданства и избирательных прав. В целях стимулирования процесса возвращения эмигрантов в республику предлагалось выступить с инициативой перед правительством РСФСР о подготовке специального постановления об амнистии всех бурят-монголов, бежавших с белыми частями за границу. Проект такого постановления был подготовлен Бур.ЦИКом 22 мая 1928 г. и отправлен во ВЦИК РСФСР.

Однако в условиях постепенного складывания тоталитарной системы спецслужбы в своей деятельности продолжали делать упор не только на совершенствование правового механизма, но и на последовательное проведение в жизнь классового пролетарского принципа. Поэтому не случайно, что со второй половины 1928 г. эмиграционные настроения среди бурятской части населения принимают значительные размеры.

К этому же периоду относятся начало борьбы с православной церковью, подавление оппозиционных партий, ликвидация еврейских сионистских организаций. Все это способствовало раскручиванию спирали будущих политических репрессий. Обобщающие еженедельные информационные обзоры, составленные секретно-оперативной частью, строились как по территориальному, так и по тематическому признакам, к числу которых относились саботаж, экономическое и политическое состояние республики, бандитизм, деревенское хулиганство, политические партии, духовенство.

16 февраля 1922 г., в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, принимается декрет ВЦИК, направленный на ликвидацию церкви как таковой. Документ стал главным партийным инструментом по разгрому религии вообще и Русской православной церкви в частности. Сегодня достоянием научной общественности стали фонды архива Президента Российской Федера-

ции, включающие в себя материалы Политбюро (ф. 3), посвященные выработке и осуществлению в январе 1922 – апреле 1925 г. генеральной линии партии и правительства по отношению к религии и церковным организациям [14]. На решение этой задачи был нацелен весь механизм ОГПУ. Именно тогда был заложен фундамент воинствующего атеизма, который затем обрел самые извращенные и жестокие формы.

Во многом воплощению декрета способствовал церковный раскол на обновленцев и староцерковников, что привело к разделу церковного имущества, массовому закрытию церквей под различными предложениями.

С образованием БМАССР эти же процессы начались и в республике. Причем спецслужба особое внимание обращала на обновленцев, что видно из протокола допроса архиерея Троицкой церкви Кяхты Георгиевского Георгия Петровича в 1927 г.: «У меня, как Викарного епископа, Постановления обновленческого съезда нет, а имеется Деяние Всероссийского собора 1923 г., в котором власть существующая признается доступной преклонения, как данная Богом, заботящейся, главным образом, о бедных и обездоленных и о равенстве всех и никаких намеков на отношение верующих к Коммунистической партии не имеется. Компартия – партия политическая, а мы с политикой ничего общего не имеем» [1, ф. 4190, оп. 1, д. 1, л. 1–3]. В этот период еще нет тотальных акций, направленных против церкви и ее организаций. Еще проводятся различные заседания комиссий и обследование зданий, а деятельность чекистов, претворявших в жизнь директивы партии, вызывает осуждение и массовые недовольства. В этой связи 16 августа 1926 г. во все губкомы, обкомы и краевые комитеты партии под грифом «Строго секретно» уходит циркулярное письмо ЦК РКП(б) за подписью И. В. Сталина «Об отношении к религиозным организациям», в котором он осуждал «местных перегибщиков»: «Эти организации и органы власти, видимо, не понимают, что своими грубыми, бестактными действиями против верующих, представляющих громадное большинство населения, они наносят неисчислимый вред советской власти, грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви и рискуют сыграть на руку контрреволюции» [14, с. 416].

В то же время органы власти никак не реагировали на повсеместное закрытие миссионерских церквей. Так, тункинские двенадцать православных церквей указали в 1923 г. количество верующих: в Мондах – 114 человек, в Туране – 9 человек, в Шимках – 501 человек, в Тунке – 1538 человек, в Гужире – 298 человек. Тем не менее, эти церкви были закрыты почти одновременно. Таким же образом обошлись с пятью церквями Еравны: Погромнинской, Укырской, Сосновоозерской, Попереченской и Романовской [10, с. 53]. Что касается небольших деревянных часовен, расположенных на погостах и вдоль трактов, то они сносились без оформления каких-либо документов. Так, в частности, обошлись с часовней во имя Петра и Павла, построенной на берегу Уды при въезде на улицу Станичную, принадлежавшей Михайло-Архангельской общине [11, ф. 248, оп. 2, д. 76, л. 210–211].

Тогда же начинается борьба со служителями других конфессий и, прежде всего, со служителями буддийского и шаманистского обряда. Этот процесс

пошел в ущерб сохранению национальной культуры, неразрывной частью которой является буддизм. В этой связи в 1924 г. в областном отделе ОГПУ БМАССР образуется Восточное отделение, главной задачей которого стала борьба с ламством. Штат отделения был самым большим и состоял из начальника, двух уполномоченных и трех помощников уполномоченного. В этот же период начинается целенаправленный набор сотрудников из числа бурят. В 1926 г. заведующий организационным отделом Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) в письме начальнику БМ ОО ОГПУ Н. Д. Ермилову указывал на слабую укомплектованность ОГПУ «работниками, в особенности бурятами», подчеркивая, что «буряты нужны ОГПУ, дабы их можно было приспособить для работы по линии восточной» [11, ф. 1, оп. 1, д. 756, лл. 60, 61]. С ноября 1924 по март 1925 г. Восточное отделение возглавляла П. А. Гедымин, с марта 1925 г. – Р. Д. Бадмаин. В этот период из числа бурят в органах государственной безопасности активно боролись с контрреволюцией Чимидун (1923–1937 гг.), Д. Ц. Чимитов (1927–1937 гг.), Л. Е. Чимитов (1923–1937 гг.), Н. М. Балдаев (1923–1932 гг.), первая женщина бурятка-чекистка, член РКП(б) с 1920 г. Р. Д. Бадмаин (1923–1925 гг.). Согласно данным архива УФСБ РФ по Иркутской области, на 1 января 1927 г. в БМАССР работали Бурят-Монгольский областной отдел ОГПУ (начальник – Н. Д. Ермилов), уполномоченный ОГПУ по Хоринскому аймаку – центр с. Додо-Анинск (начальник – Е.И. Феоктистов), уполномоченный по Баргузинскому аймаку – центр с. Баргузин (начальник – И. С. Казаков). На 1 января 1929 г. Бурят-Монгольский отдел ОГПУ имел своих уполномоченных в Баргузинском, Еравнинском, Мухоршибирском, Селенгинском, Хоринском, Баунтовском и Кяхтинском районах республики. Руководителями этих подразделений были Н. Д. Ермилов, И. А. Казаков, А. И. Сайдунов, А. Е. Петряков, Цыденданбаев, Д. Ч. Чимытов, Бобровник, К. Сорокин. Кроме ламского вопроса, отделение занималось разработкой бывших ноенов, национальной интеллигенции, мусульманского населения и взаимоотношений бурятского населения с бурятской эмиграцией в Монголии [1, ф. 5, оп. 6, д. 5, л. 337]. Однако органы советской власти в этот период искали особые формы применения советского законодательства в отношении буддийской конфессии. Это обуславливалось значительным количеством верующих и священнослужителей, а также наличием широких связей с зарубежными буддийскими центрами. Об осторожном подходе в этом вопросе свидетельствует отчет Бурят-Монгольского ОГПУ за 1924 г., в котором отмечалось, что «ламство Бурятии рассматривается как ветвь монголо-тибетского ламства и требует к себе осторожного подхода, необходимого в целях политического влияния СССР на соседние страны, и разгром ламства дацанов путем налогового обложения не только противоречит задаче разложения его изнутри, но повлечет самые отрицательные последствия, которые будут оценивать за кордоном как жестокое гонение религии Соввластью» [16, с. 72]. Кроме того, учитывался тот факт, что в ходе мероприятий 1923–1924 гг., направленных на подрыв буддийской церкви, началась эмиграция лам в соседнюю Монголию.

Таким образом, спецслужбы стремились осуществить подрыв влияния буддийской церкви другими путями. Важнейшим из них стал церковный раскол, который длился семь лет и сыграл немалую роль в падении авторитета церкви и духовенства и развитии атеизма среди рядовых масс верующих буддистов [4, с. 98–99]. О необходимости использования этого раскола в 1925 г. говорил и руководитель областной парторганизации М. Н. Ербанов в докладе «По ламскому вопросу в Бурятии»: «Обновленческое движение мы должны рассматривать как результат происшедшего глубокого кризиса в ламаизме, как явление неизбежное и для нас создающее благоприятную обстановку в деле разложения ламства» [5, с. 191]. В этом же году руководитель Восточного отделения Р. Д. Бадмаин в одной из сводок констатировала, что «вопросы борьбы с ламством остаются у нас мало разработанными. Четкой и ясной линии еще во многих вопросах, связанных с ламством, у нас нет. Ламский вопрос представляет всю группу социально-политических вопросов, которые приходится нам решать применительно к бурятской части населения Буреспублики, особенно забайкальских бурят. Мы подошли вплотную к тому, чтобы разработать целую систему противоламских мероприятий» [1, ф. 5, оп. 6, д. 5, л. 338]. Летом 1926 г. начался процесс национализации дацанов.

С образованием БМАССР в республике прекращают свою деятельность партийные организации социалистической ориентации, такие как партия социалистов-революционеров (максималистов) во главе с Забановым, которая в полном составе вступает в ряды РКП(б), и еврейская партийная организация Поалей-Цион. Что касается сионистских организаций, то они были распущены. Еще 11 мая 1923 г. за подписью председателя губернского отделения ГПУ Ю. И. Клиндера был направлен доклад, в котором сообщалось об аресте лидеров сионистов в Верхнеудинске, изъятии дел, переписки и циркулярных писем из-за рубежа, газет и журналов [1, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 153]. Практически за всем еврейским населением республики было установлено негласное наблюдение. По сообщению газеты «Сибирь – Палестина», в июне–июле 1923 г. состоялись аресты сионистов в Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Сре́тенске. 30 ноября 1923 г. за подписью начальника секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерibasа в республику поступило оперативное сообщение, свидетельствовавшее об оживлении подпольной сионистской деятельности в Верхнеудинске и Баргузине и связях местных сионистов с сионистами других городов [1, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 251]. Поводом послужило сообщение типографского рабочего о поступившем заказе на нелегальное изготовление членских билетов, бланков и устава для Баргузинской сионистской организации. Были заведены общая разработка и формуляр-дело на каждого активного члена организации. В декабре 1923 г. от уполномоченного ГПУ по Баргузинскому аймаку поступило сообщение, что сионистской организации в Баргузине не установлено [1, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 263]. Согласно оперативным разработкам, сионистов в республике на 1 января 1925 г. насчитывалось 12 человек. Из них 11 человек находились в оперативной разработке. К началу 1926 г. было выявлено еще 3 сиониста. В октябре 1927 г. из ПП ОГПУ за подписью Заков-

ского пришло распоряжение о снятии с учета бывших членов сионистской партии – всего 84 человеках [1, ф. 3, оп. 2, д. 3, л. 73].

К 1927 г. единственное серьезное сопротивление растущему влиянию и власти И. В. Сталина исходило из самой правящей партии. Он впервые использует ОГПУ для укрепления собственной власти внутри Коммунистической партии. Тем самым изменилось само определение контрреволюции. Если в первые годы Советской власти контрреволюция выступала как оппозиция правящей партии, то к середине 20-х гг. – это оппозиция лидеру партии и его курсу, находившаяся в самой партии. Поэтому ОГПУ в борьбе с оппозицией использовало те же методы, какие использовало в борьбе с врагами партии. Внутри Бурят-Монгольской областной организации ВКП(б) не сложились столь ярко выраженные оппозиционные группы, как в крупных партийных организациях центра. Однако в марте 1925 г. на II областной партконференции руководящие работники-буряты создали группировку и выступили против руководства обкома партии. Они обвинили руководство в извращении хозяйственной политики, в неправильном подходе к ламству и национальной интеллигенции, в нарушении внутривластной демократии, отрыве от масс. ЦК и ЦКК РКП(б) в своих постановлениях от 12 октября 1925 г. осудили деятельность группировки, наложив на нее строгие партийные взыскания [12, с. 144].

Таким образом, машина политического сыска, раскручиваемая руководством спецслужбы по указанию партии и правительства, уже набирала обороты, не всегда разбираясь в том, кто попадет под ее колеса: реальные шпионы, вредители и диверсанты или лояльные советские граждане, не имеющие никакого отношения к противоправной деятельности.

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Бурятия (УФСБ РФ по РБ).

2. *Батуев Б. Б.* Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии / Б. Б. Батуев. – Улан-Удэ, 1992.

3. *Берман М. Д.* Борьба с белыми на внутреннем фронте // Коммунист. – Иркутск, 1923. – № 3.

4. *Герасимова К. М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ, 1964.

5. *Данзанова А. А.* Обновленческое движение в Бурятии в 20-е гг. // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 1998.

6. *Доржиев Д. Л.* Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30 гг. (хроника языком документа) / Д. Л. Доржиев. – Улан-Удэ, 1993.

1. Archive of the Government of Federal Security Service of Russia in the Buryat Republic.

2. *Batuyev B. B.* Maria Mikhailovna Sakhianova. Fragments of political biography / B. B. Batuyev. – Ulan-Ude, 1992.

3. *Berman M. D.* Fight against the White Guards in the internal front // Communist. – Irkutsk, 1923. – N 3.

4. *Gerasimova K. M.* Renovationist movement of the Buryat Lamaistic Ministry / K. M. Gerasimova. – Ulan-Ude, 1964.

5. *Danzanova A. A.* Renovationist movement in Buryatia in 20s // Issues of history, cultural and national formation in the Buryat Republic. – Ulan-Ude, 1998.

6. *Dorzhiyev D. L.* Peasants' revolts and mutinies in Buryatia in 20–30s (chronicles) / D. L. Gorzhiyev. – Ulan-Ude, 1993.

7. History of the Soviet National Security Service. – M., 1977.

7. История советских органов государственной безопасности. – М., 1977.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 2. 1917–1922.
9. *Курас Л. В.* Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
10. *Митыпова Е. С.* НКВД и Православная церковь в Бурятии (1920–30-е годы) // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.
11. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ).
12. Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ, 1970.
13. *Павловская М. А.* Исследование Маньчжурии и стран Восточной Азии экономическим бюро КВЖД (1921–1934 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тезисы докладов к XI Международ. науч.-практ. конф. – Иркутск, 1998. – Т. 1.
14. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Архивы Кремля / под ред. Н. Н. Покровского, С. П. Петрова. – Новосибирск ; М., 1997.
15. Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. Биографии А–К. – М., 1994.
16. *Шагдуров Ю. П.* Государство и религиозные концессии Бурятии в 20–30-х гг. // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ, 1998.
8. Communist Party of the Soviet Union in resolutions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. – М., 1983. – Vol. 2. 1917–1922.
9. *Kuras L. V.* White emigration to Harbin in coverage of the Soviet secret services (at the end of 20s – beginning of 30s) // From the history of the Buryat secret services. – Ulan-Ude, 1997.
10. *Mitypova E. S.* Public commissariat and the Orthodox Church in Buryatia (1920–1930) // On the history of the Buryat secret services. – Ulan-Ude, 1997.
11. National Archive of the Republic of Buryatia. (NARB).
12. Essays on history of the Communist Party organization in Buryatia. – Ulan-Ude, 1970.
13. *Pavlovskaya M. A.* Researches of Manchuria and the Eastern Asia countries by the economic bureau (1921–1934) // Russia and the East: consideration from Siberia : materials and report theses of the XIth international scientific practical conference. – Irkutsk, 1998. – Vol. 1.
14. Politbureau and the Church. 1922–1925. Archives of the Kremlin / ed. N. N. Pokrovskiy, S. P. Petrov. – Novosibirsk ; M., 1997.
15. Russian Jewish encyclopedia. Vol.1. Biographies A–K. – M., 1994.
16. *Shagdurov Yu. P.* The Government and religious concessions in Buryatia in 20–30s // Researches on history of Siberia, Central and Eastern Asia. – Ulan-Ude, 1998.

National Security of Buryat-Mongolian ASSR in the First Years of Soviet Rule (1923–1928). Part 2

L. V. Kuras, V. K. Tushemilov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude*

The article examines the main course of activity of regional USPA in the first decade of the Soviet's power.

Key words: Buryat-Mongolian ASSR, USPA, emigration, Buddhist priests, banditry.

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Тушемилов Владимир Карлович – кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, the chief scientist of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St. 6, phone 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Tushemilov Vladimir Karlovich – Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St. 6, phone 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru